

Владимир ШЛЯХТЕРМАН

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

У меня в руках поразительный документ – дневник советского офицера, затем узника фашистского лагеря и, наконец, бельгийского партизана Евгения Доценко. До службы в армии он работал на судостроительном заводе в Сталинграде. Дневники обычно пишутся для себя, не для чужих глаз, и тем более не для публикаций. Но этот – иного рода. Как писал Евгений, «если нам не придется вернуться на родину, то эти записи будут пересланы на РОДИНУ (так в оригинале. – В.Ш.), и их будут читать дети нашей страны».

Сорок их сыновей

Под словом «нам» автор имел в виду себя и Григория Лермана, тоже советского офицера, также в сорок первом попавшего в плен, бежавшего из лагеря и ставшего бойцом бельгийского Сопротивления. Надобно сказать, что движение Сопротивления в Бельгии было неоднородным. Одно крыло (в дневнике Доценко называл его «англофилами») поддерживали союзники, главным образом англичане; другое было организовано левыми партиями, в основном коммунистами.

Первые не вели активных действий против оккупантов, ждали «дня Икс», хотя и щедро снабжались оружием, средствами связи, деньгами. Патриотам, руководимым коммунистами, помощь извне ждать не приходило, оружие они добывали в стычках с немцами и местной жандармерией. Плохо вооруженные, они тем не менее вели активную борьбу. Прямого противостояния между отрядами Сопротивления не было, случилось, что они даже проводили совместные акции. Но это было редко.

В Бельгии нет обширных лесов, где могли бы базироваться партизанские соединения. Приходилось воевать мелкими группами, рассредоточенными в небольших селениях. Это затрудняло управление. Кроме того, у партизан, по сути, не было тяжелого вооружения. Пистолеты, автоматы еще как-то можно было спрятать, но орудия и пулеметы – вряд ли. В военном музее в Брюсселе на стендах, рассказывающих о Движении Сопротивления, я таких образцов не увидел. Револьвер, немецкий автомат, граната, головная шашка – вот, пожалуй, и весь арсенал партизана.

Евгения Доценко и еще нескольких русских партизан переправили в городок Комбле-о-Пон в предгорьях Арденн, к юго-востоку от Льежа.

В этих местах я оказался летом 1961 года. Улочки в городке – как долины среди холмов. За площадью, на высоком месте – кладбище, ухоженное, с ровными рядами могил, возле каждой мраморные плиты.

Нас подводят к двум могилам. На плитах надписи на французском: Евгений Доценко (Сталинград) и Анатолий Степанов (Ленинград). Это наши соотечественники, сражавшиеся и погибшие здесь. Возле могил супружеская пара – Жорж и Леона Амуар. Это у них скрывались наши парни во время облав, отсыпались после ночных операций.

И не только эти двое. Сорок русских бойцов Сопротивления находили у Амуаров приют, кров, заботу. Бездетные супруги считали всех их своими сыновьями.

Я напросился к Амуарам в гости, нашлась и добровольная переводчица – харьковчанка Мария была угнана фашистами сюда на работы, вышла замуж за бельгийца.

Жорж показывал мне дом: вот здесь на чердаке ребята спали, а из круглых окошек дежурный обозревал окружающую местность.

– Вот тут Анатолий (Степанов) мастерил модели самолетов, он был летчиком и делал это мастерски. А Жан (Евгений Доценко) и Грегор (Григорий Лерман) рисовали и раскрашивали знамена.

Жорж ведет меня в подвал.

– Тут я хранил дневники Жана, в стеклянных банках зарывал. Ни одна ищейка

Русские

Советские партизаны, воевавшие в Бельгии, отмечены наградами бельгийской королевы. Наград родины у них нет

Григорий Лерман (слева) и Евгений Доценко были командиром и комиссаром партизанского отряда «Франко», доставившего много хлопот немецким оккупантам в Бельгии

Пешком до Бельгии

Они попали в плен при схожих обстоятельствах. Евгений Доценко – политрук роты связи 99-й стрелковой дивизии – принял бой на рассвете 22 июня 1941 года. Отступал с боями, выходил из окружения. В начале июля с группой бойцов вышел – это было в Западной Украине – к одному селению. Присмотрелся: по улице сновали вооруженные крестьяне. Кто это? Ну конечно, партизаны! С криком «Товарищи, я свой!» подбежал к ним и получил прикладом по голове. Его связали и заперли в пустой трансформаторной будке. А утром передали в немецкую комендатуру.

Новоиспеченный лейтенант Григорий Лерман получил предписание прибыть 22 июня в штаб 99-й стрелковой дивизии для прохождения службы и разрешение три дня до этого провести дома, в Киеве. В субботу, 21 июня, шумные проводы на вокзале. Шутки, смех, родственники. Поездом до Львова, оттуда на границу, в Перемышль.

Рано утром проснулись в вагоне от шума самолетных моторов. Кто-то спросонья произнес: это маневры! Но на маневрах боевыми не стреляют.

Уже во Львове увидел Григорий первых раненых, беженцев. С трудом добрался до штаба дивизии, получил назначение, но свою роту так и не разыскал. Примкнув к какой-то части, с ней выходил из окружения, вступал в стычки с немцами.

На окраине большого села решили постучаться в хату – разузнать, что в селении. Хозяин из-за крепкой двери сказал, что будет говорить, если пришедшие войдут без оружия. Пришлось подчиниться. Хозяйка поставила на стол горячую картошку, молоко. Это было весьма кстати – в последние дни питались лесными ягодами. Григорий почувствовал что-то неладное, когда обнаружил исчезновение хозяйского сына. Сделал знак своим, поднялись из-за стола, направились к двери. Но опоздали – в хату ворвались вооруженные полицаи.

Так Евгений и Григорий очутились в концлагере на территории Германии. Все как в обычном немецком лагере: побои, унижения, голод, тяжелые работы, болезни... Дня не проходило без похорон. Случались побег. Беглецов ловили, возвращали в лагерь. После недолгих разбирательств на них было страшно смотреть.

не нашла бы, – с гордостью говорит он.

Так я впервые и услышал о дневниках Доценко. После Победы Жорж выкопал банки, записки передал советским представителям, их переслали в Союз, и они в конце концов попали к вдове Евгения – Людмиле Павловне. Я разыскал ее в Волгограде, попросил снять копию...

– Немцы развесили плакаты с портретами Грегора, – вспоминал Жорж, – сулили выплатить 500 тысяч франков тому, кто укажет, где они скрываются. Но никто их не выдал.

– А что бы немцы сделали с вами?

– Расстреляли бы на месте. Или отправили в гестапо в Льеж, что одно и то же.

В 1966 году группа бельгийских граждан была награждена советскими орденами за мужество и отвагу. Леона и Жорж были удостоены орденов Отечественной войны II степени.

Чету Амуар пригласили в Волгоград – на родину Доценко. Они прилетели в Москву, вечером поездом отбывали на Волгу. Днем я встретился с ними, мы пошли от гостиницы «Москва» по улице Горького. Было жарко, решили зайти в кафе-мороженое. А там очередь. Встали в хвост. Французская речь, ордена пожилых людей привлекли внимание. Из очереди вышел мужчина и громко произнес:

– Товарищи, это французские партизаны, давайте пропустим их!

– Конечно, конечно! – закричали собравшиеся. Подбежала девушка, вручила Леоне букетик цветов, расцеловала ее. Жорж тут же, под одобрительный смех, подставил свою щеку. Московское мороженое понравилось гостям. Когда переводчик доставал деньги, чтобы расплатиться, мужчины из-за соседнего столика подошли к нам и попросили разрешения считать это их угощением.

Но Евгений и Григорий, несмотря ни на что, думали о побеге. Долго присматривались друг к другу. И когда оказалось, что думают об одном и том же, решили: будем бежать вместе. И тут помог случай. Охранник, пожилой немец, как-то сунул Григорию кусок хлеба. Григорий в знак благодарности предложил нарисовать портрет его жены по фотографии. Отличный художник, он быстро справился с заказом. Немцу понравилось, показал коллегам. Лерману пошли заказы. Заинтересовался офицер. Для него Григорий очень старался. Вскоре Гришу перевели на работу на кухню, а по вечерам разрешили рисовать в камерке с зарешеченным окошком, выходящим на улицу. Заказы теперь шли только через офицера. Григорий понял: тот делает свой бизнес.

Работы было много, Григорий попросил помощника – сколачивать рамки. Офицер согласился, так Евгений тоже по вечерам оказывался в камерке, где можно было обсуждать детали побега. Готовились тщательно: выменяли у пленных французских удобную обувь, накапливали продукты, из старья сшили мешки с ляжками. Раздобыли ножовку и стали перепиливать решетку, тщательно маскируя работу.

Побег наметили на поздний вечер 22 июня 1942 года. Вечером, как обычно, пришли в камерку. Евгений изо всех сил стучит молотком по столу, а Гриша в это время перепиливает прутья. Несколько раз к ним заходили охранники. Узнав, что делают рамки для офицера, уходили. Заходил и сам офицер, остался доволен усердием пленных.

Наконец все прутья перепилены. Уже стемнело. Первым вылезает Евгений. Потом он запишет в дневнике: «Когда я встал на землю, то не поверил, что нахожусь на свободе. Мне кажется, что надо мной по-прежнему стоит пост, и я невольно оглядываюсь назад». Григорий подал ему приготовленные свертки, вылез сам, и они бодро зашагали на... запад. Обсуждая план побега, сразу решили, что пробираться через Германию, Польшу, оккупированные области СССР не смогут. Да и ловить их будут на востоке. Они пойдут на запад, доберутся до Швейцарии, оттуда в Англию, а уж с острова – в Союз.

Шли несколько месяцев по незнакомой, враждебной стране. Шли без карт, без оружия, обходя населенные пункты, не смея ни у кого ничего спросить. Научились по ночам искать на огородах овощи, неделя-

В Арденнах

Во время посещения Бельгии в 1961 году автор встретился с оставшимися в живых героями Сопротивления. **Лилиан Десоппер** (слева) была связной в партизанском отряде. Русские звали ее Нелли. Супруги **Жорж** и **Леона Амуар** предоставляли убежище сорока советским бойцам. В 1966 году Амуары были награждены орденами Отечественной войны II степени. На фото внизу – их дом

*la maison de Mme Hamoir,
1 rue de Rivage à Comblain*

Этот тот самый дом супругов Амуар, где скрывались партизаны

ми обходились без горячей пищи, спали под дождем. Надо было обладать даже не звериным, а каким-то сверхъестественным чутьем, чтобы не попасться. Дважды по ним стреляли. Как потом узнали – на германо-голландской и голландско-бельгийской границах.

И в конце концов оказались в Бельгии, оккупированной немцами. Но и Движение Сопротивления здесь крепло.

Можно долго рассказывать, как партизаны проверяли этих русских. А русские там уже были – бежавшие из лагерей, с бельгийских шахт и заводов, куда их пригнали немцы. Прошло еще немало времени, пока партизанское командование решило организовать из них самостоятельный отряд. Командиром назначили Григория Лермана, комиссаром – Евгения Доценко. Отряду дали имя «Франко». Такой псевдоним имел Лерман. Немцы считали его испанцем.

Много позже Григорий Цезаревич дал мне список из десятка фамилий своих бойцов, оставшихся в живых и вернувшихся на родину. Я тотчас отправил по данным мне адресам письма. От трех получил ответы: согласны на встречу, но выехать не могут. Надо – приезжай сам. Из некоторых мест мои письма приходили с пометкой: адресат выбыл, куда – не знаем. При этом заметно было, что такие пометки делали не на почте, а, видимо, сами адресаты.

Почему отказывались от встреч? Дело было в шестидесятые годы, когда побывавших в плену власть считала предателями. Без всяких на то оснований. Да что там в шестидесятые! Самого Григория, награжденного королевой Бельгии орденом за доблесть и мужество, до последнего времени участником войны не считали!

Задание с поцелуями

Под особым вниманием партизан была железная дорога. Здесь проходил один из самых коротких путей в Германию. Потому охрану дороги немцы постоянно усиливали.

Партизанам удалось внедрить своих людей на железнодорожные станции. И вот один такой информатор сообщает: на путях стоит вагон с патронами. Рано утром его прицепят к составу. Конечная остановка неизвестна, но состав двинется на восток. В распоряжении партизан короткая ночь. Вот и вагон, охраны поче-

му-то нет. Быстро, умело, не повредив пломб, вскрыли люк, пролезли в вагон, вынесли первый ящик. Открыли: крупнокалиберные патроны, такого оружия у партизан нет. Доценко и Лерман тут же приняли решение: патроны уничтожить. Но как? Взрывы привлекут внимание немцев. Тогда решили утопить ящики в реке. Всю ночь по цепочке передавали из рук в руки тяжелые ящики, через лес сносили к реке. Утром с запада подошел товарняк с немецкой охраной. Офицер проверил пломбы, запоры – все на своих местах. Вагон прицепили к составу, на площадку встали два охранника. Гудок, товарняк отправился на восток.

Для партизан не было секретом, что несколько предприятий округа работают на немцев. Заводики охраняются немецкими солдатами. Их патрули обходят и высоковольтные линии, идущие к предприятиям. Партизаны решили изучить расписание патрулей. Но как это сделать, не привлекая внимание охранников? Целующиеся и обнимающиеся парочки, одетые по-деревенски, подозрений не вызывают.

– Ребята очень любили, когда их посылали на такие задания, – с улыбкой рассказывал Григорий. – И недостатка в девчатах не наблюдалось.

В обеденное «окно» партизаны продолбили гнезда в фундаменте опоры, заложили взрывчатку и – скоренько в лес. Взрыв! Тяжелая металлическая ферма покачнулась и рухнула, потянув за собой крепкие кабели; те, в свою очередь, потянули провода соседней фермы.

Успех этой диверсии подвинул командование партизанского округа на широкомасштабную операцию. Решено было обесточить весь округ Льежа. А тут много предприятий, угольные шахты, раз-

ветвленная транспортная сеть. Опыт уже был, поэтому действовали споро. За день взорвали 450 опор. В Льеже не ходили трамваи и троллейбусы, остановились военные заводы, не работали многие учреждения.

...Двоюродная сестра Григория – Суламифь, которая сейчас живет в США, сообщила мне, что у ее родственницы в Москве есть записки Григория. Так у меня оказалась папка, в которой более ста страниц воспоминаний. Нового для меня в этих записках было немного: обо всех значительных эпизодах написано в дневнике Доценко, рассказывали бельгийские бойцы Сопротивления на встрече в Льеже, партизаны отряда «Франко», с которыми удалось увидеться. Но кое-что интересное нашел.

Нелли – Лилиан

Григорий записал: «Пришел партизан и сообщил, что около леса в маленьком домике скрываются двое русских, и они очень просят меня придти к ним. Вечером я отыскал заброшенный домик у леса. На пороге меня встретила молодая девушка лет семнадцати. Я никогда не видел такого свежего лица и таких больших синих глаз, как у нее. Эти синие глаза смотрели прямо на меня так, как будто перед девушкой появилось какое-то чудо. Я даже смутился. «Это вы были в Спармо? – спросила она. (О событиях в Спармо речь впереди. – В.Ш.) – Какой вы молодец!» Энергичная, веселая, боевая девушка потом отлично справлялась с обязанностями связной нашего отряда».

Работа связной была нелегкой. Приходилось передавать важные сведения и по ночам, а во многих районах действовал комендантский час. Патрули останавливали людей и днем, обыскивали, а потому никаких записей, все надо было держать в памяти. И стали замечать бойцы, что уж очень долго их командир инструктирует связную. И потом сам сопровождает ее до безопасного места и что-то не спешит возвращаться. А если девушке приходилось оставаться ночевать в отряде, он великодушно предоставлял ей свою манатку.

Нелли – так на русский манер звали связную в отряде. На самом деле она

была Лилиан. Лилиан Десоппер. Я встретился с ней в Льеже. Жорж Амуар сказал, что о жизни Григория в отряде именно она может рассказать. Лилиан еще не было сорока, она была хороша собой и мне – я ничего тогда не знал о записках Лермана – тоже запомнились большие синие глаза. Лилиан познакомила меня со своим мужем – также участником Сопротивления.

В один из дней Нелли передала командиру и комиссару отряда приказ из штаба – вывести из строя оружейный завод на окраине Льежа. Поручалось хорошенько изучить систему охраны, связаться с патристически настроенными рабочими. Пришлось перебираться поближе к месту будущей диверсии.

Первое знакомство с ситуацией не вдохновило: охрана внутри и снаружи, высокий забор, обнесенный колючей проволокой, на проходной тщательные обыски. Нечего думать о том, чтобы пронести взрывчатку. Под усиленной охраной и заводские электрические сети.

– И тут кто-то подал идею – проникнуть в цеха через крышу, – рассказывал Григорий. – Завод примыкал к горе, поросший лесом. Крыша – из стеклянных блоков, если удастся вынуть хотя бы один... Но ведь не прыгнешь – высота приличная. «Альпинисты в таких случаях спускаются по веревкам», – сказал Евгений. Мысль понравилась.

В ненастную ночь ползком добрались до крыши. С собой веревки, фонарики и большие молотки. Сравнительно легко вынули один блок. Двое держат веревку, по одному несколько партизан спускаются в темный цех. Завод по ночам не работал. Рабочие-подпольщики составили схему самых важных станков. Партизаны быстро нашли их и начали ломать, не привлекая внимание охраны шумом. Под утро по этим же веревкам, как заправские альпинисты, поднялись на крышу. Веревки оставили, дабы не навлекать подозрение на рабочих.

Эффект от этой диверсии был впечатляющий: завод фактически не работал до прихода американской армии.

Обо всех операциях отряда «Франко» не расскажешь. О том, как добывали динамит, реквизируют «темпы» – талоны на продукты и тем самым снабжали партизан; как составляли и распространяли среди военнопленных, работавших на шахтах, листовки; как остановили поч-

товый поезд и изъяли несколько мешков денег...

Впрочем, об одной стоит рассказать подробнее. В один из дней Лерман и двое бельгийцев с трудом выбирались из Льежа: накануне они взорвали кафе, которое посещали немцы. Известными только им тропами вышли в лес, в укромно стоящий дом у хутора Спармо. Григорий и Лоран легли спать в двухэтажной пристройке: там было сено, сверху расстелили палатку. Брат Лорана – Люсьен – остался дежурить во дворе. Вдруг он вбегает с криком: «Грегори! Немцы!»

– Спросонья, не совсем разобравшись, я схватил пистолет и гранату и бросился к окну, – рассказывал мне Лерман. – Хотя уже стемнело, я явно увидел группу немцев в касках и бросил гранату. Крики, стоны. Втроем стоим у окна. Тишина. Потом шум моторов и видим, что немцев стало очень много. Стреляем из пистолетов, в ответ автоматные очереди. Вдруг возле меня тяжело опускается Лоран – его ранило в плечо. Я и Люсьен втащили по приставной лестнице раненого на второй этаж, туда же втянули лестницу. Немцы ворвались в дом, установили там пулемет и открыли огонь по пристройке. Но нас не видят, бьют наугад. Мы отвечаем одиночными выстрелами. Там было много пустых бутылок, мы их бросали, они разбивались и это пугало немцев.

К утру у нас осталась одна граната и по одному патрону – для себя. На полу возле Лорана натекла лужица крови. Я обмакнул в нее палочку и на известковой стене написал: «Дорогие товарищи умираю за Родину отомстите. Евгений отомсти. Евгений расскажи моим родителям».

– Не до запятых было, – усмехается Григорий.

Когда немцы вошли на нижний этаж, Григорий и Люсьен притаились у отверстия. Какой-то немец примерил желтую куртку Григория и взял ее.

– Я собрался бросить гранату, – продолжал Григорий, – но Лоран знаками удержал меня. Удивительно, но наверх немцы и не пытались залезть. Видимо, решили,

что мы успели улизнуть. Вскоре они ушли. Мы тотчас спустились вниз, перелезли через стену – и в лес. Лорану было плохо, мы шли медленно, но выбрались.

А вот что записал об этом бое Евгений Доценко. Он побывал в Спармо через несколько дней после события. «Весь дом изрешечен пулями. Немцы обстреливали все уголки... На стене я прочитал надписи, которые сделал Гриша, считая себя уже в объятиях смерти».

В конце нашей встречи Григорий, смущенно улыбаясь, произнес:

– У этой истории было продолжение. Меня пригласили в Бельгию, встречался с боевыми друзьями. Лоран уже не было в живых, а Люсьен стал владельцем магазина одежды. Привез меня туда и говорит: «Грегори, выбери себе, что душе угодно». Я посмотрел, увидел желтую куртку, похожую на ту, что немцы забрали тогда в Спармо, показал на нее. Люсьен протянул мне ее и заплакал. И у меня навернулись слезы. Стоявшие рядом сотрудники недоуменно переглядывались...

Последний бой Жана

Через несколько дней после боя в Спармо Григорий и Евгений отправились в лес на встречу с группой русских парней, бежавших с шахт. У ребят было мало оружия, худо с продуктами. «Они рады нашему приходу, – записывал Евгений в своем дневнике. – Принесли им кое-какое оружие. Они уже два раза подвергались нападению немцев, последний раз потеряли пять человек, двое раненых застрелились сами».

Это последние слова, которые записаны в дневнике.

На следующий день Евгений вновь должен был прийти к новеньким. Взял с собой большую палатку, Леона собрала мешок с продуктами. Дорога знакомая. Подошел к железной дороге, где обычно безлюдно. И вдруг немецкий патруль – трое с автоматами. Направились к нему. Евгений выстрелил первым. Один немец упал, двое других залегли. Доценко бросился к лесу зигзагами. До него оставалось несколько метров, когда автоматная очередь вонзилась в спину. Немцы подбежали и выпустили пули в бездыханное тело. Потом сволокли к речке, привяза-

ли к лодке, погрузили туда и труп своего товарища.

Случилось это 1 апреля 1944 года.

Жорж и Леона ведут меня к месту гибели Евгения. После дождя влажно поблескивают рельсы, шумит лес.

– Вот здесь товарищи Жана поставили обелиск, – говорит Жорж.

– На нем была красная пятиконечная звезда, – добавляет Леона. – Жан очень любил их рисовать.

«Франко» мстил за смерть Доценко. По мере приближения войск союзников отряд все чаще вступал в открытые бои с отступавшими немецкими частями. В осенний день 1944 года командир отряда получил приказ: связаться с командованием американского танкового полка и вместе с ними заставить капитулировать немцев.

Бойцы вышли на дорогу, Григорий расположился на опушке леса. Показалась колонна танков. Увидев вооруженных людей, командир передовой машины остановил колонну, соскочил на землю. К нему подбежал Григорий. Американец обомлел, услышав русскую речь. Русские уже в Арденнах?! Григорий объяснил, кто они. Американец что-то крикнул своим. Танкисты бросились к партизанам. Обнимались, хлопали друг друга по спине, плечам, смеялись, угощали папиросами. Быстро договорились: танки пойдут вперед, а отряд прочесывает лес, оседлает дорогу.

А когда бои в Бельгии закончились, Григорий явился в администрацию союзников, назвал свою настоящую фамилию, звание – лейтенант Красной армии, командир партизанского отряда. Его тут же запрягли в работу – организовать репатриацию советских людей. Выдали документы, выделили машину.

– Отряд пока не распускал, – рассказывал Григорий. – Но поступил приказ – сдать все оружие.

– Сдали?

– Не совсем, – дипломатично отвечает Григорий. – Мы же партизаны, часть оружия закопали в укромном месте.

Он мотался по стране, помог сотням мужчин и женщин вернуться домой. А потом его и других советских граждан препроводили в лагерь. Начались проверки: как попал в плен, что делал в Германии,

как очутился в Бельгии, кто может подтвердить. Не выдержал – сбежал. Благо опыт был. Не без приключений добрался до Киева.

Мы сидели с ним в небольшой студии, уставленной планшетами, – Лерман работал в рекламном агентстве. Дело было в субботу, сидели много часов, он рассказывал, комментировал неясные для меня места из дневника, расшифровывал псевдонимы. И показывал фотопленки, их штук тридцать. Это бесценные свидетельства героической борьбы с оружием в руках наших соотечественников в далекой Бельгии за нашу свободу.

Григорий Цезаревич Лерман умер в 2000 году и похоронен в Киеве. Я разыскивал его родственников, чтобы узнать о судьбе этих пленков. Отправил письма в Киев по домашнему адресу Лермана – ул. Шамрыло, д.3, кв.85, на студию по ул. Горького, 103, кв. 9, в городской Совет ветеранов войны, даже главному равнину Киева. Увы, ни одного ответа не получил. Сестра Григория Суламифь ничего о фотопленках не знает, где близкие родственники, не ведают. Последняя надежда – на эту публикацию. Может, кто-то знает или добровольно возьмется за поиски? Уникальные кадры не должны пропасть.

...Мои публикации в «Московском комсомольце», в «Красной звезде», письма в высшие органы власти возымели свое действие – в 1966 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Евгений Иосифович Доценко был награжден орденом Отечественной войны I степени. «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в рядах бельгийских партизан в годы Второй мировой войны», – говорилось в Указе.

Доценко наградили. Посмертно, хотя почему-то в Указе об этом не сказали. Комиссара наградили, а командира отряда нет. Не отметили наградами и других наших парней, партизанивших в Бельгии. Бельгийская королева отметила, а мы – никак. Неужели до сих пор строчка «был в плену» остается каким-то пятном в военной биографии? ■

Москва–Волгоград–Киев–Комбле-о-Пон

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА АВТОРА

Будни партизанского отряда. Фотографии с пленки Григория Лермана

Шпионка

из дневника Евгения Доценко

Этот случай я описываю отдельно под специальным заголовком, как самое необычайное и страшное явление – присутствие шпиона в нашей партизанской среде...

В это время из города приехал партизан и также остановился на квартире у «К-та» (Сокращения – на случай если дневник попадет в гестапо. – В. Ш.). Это тот самый второй партизан, который участвовал с нами в налете на ж-ское б-ро. Имя его «Ш». Его к тому же ищет гестапо.

В понедельник, т. е. на второй день пребывания ребят в доме «К-та» я зашел к ним. Дверь мне открыл «Ш». Войдя в комнату, я увидел молодую женщину приятной наружности. «Ш» мне рекомендовал: «Это моя жена», и мы обменялись с ней рукопожатиями. Он ей сказал, что это Жан, и сказал он ей таким тоном, как будто обо мне она уже слыхала...

После обеда сидим за столом, разговариваем, потом начинаем вполголоса напевать «Интернационал». Мадам горячо поддерживает эту мелодию, и мы уже поем дружно. Ребятам она призналась, что она партизанка и революционерка. Перед вечером пришли партизаны «П» и «Ф», она с ними заискивающе разговаривает, кокетничает...

Когда стемнело, я с «П»

пришли за «ИВФ» (это три партизана – Иван, Василий и Федор. – В. Ш.) и увидели мадам. «Вы не уехали?» – спрашиваю ее. «Нет, она едет завтра», – за нее отвечает «Ш». В среду мадам уехала в полдень.

Возвращаюсь в село один. Только достиг первого дома, раздался взрыв.

Сразу я не понял, что это такое. Встретил отца «Ф». Дошли до его дома, взрыв повторился в той части села, где живет «К-т». По улице мне на встречу бежит «МБ», увидев меня, она замахала руками и кричит: «Жан, назад, гестапо!» Я повернул назад, на ходу вытаскивая пистолет. Путь держу туда, где оставил «П» и «Ф», чтобы предупредить их...

Из темноты вышла девушка. Это «Э». Она рассказала, что знает о случившемся. Приехали немцы в количестве 20 человек, а с ними две женщины, одна из них оказалась женой «Ш». Так это она привезла немцев! Значит, она шпионка! От злобы в горле все застряло. Так вот с кем мы вчера обедали и пели «Интернационал». Дальше «Э» рассказывает, что «К-т» стрелял в окно, ранил одного немца. Немцы в окно бросили три гранаты. Видя безвыходное положение, «К-т» застрелился, чтобы не дать себя на растерзание... ■